

Н. Г. Краснодембская

**ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ПТИЦЫ
В ОБРАМЛЕНИИ ЦВЕТУЩЕЙ ВЕТВИ
(ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О СИНГАЛЬСКОМ ДЕМОНЕ ГАРА-ЯКЕ)**

Одушевление феноменов окружающего мира, в частности грозных для человека сил природы, — явление глубочайшей древности. Своеобразны бы- вают и формы, в которых запечатлеваются эти представления, нередко до- шедшие до наших дней. В сингальской традиционной культуре, в народном мировоззрении представления о недобрых природных силах закрепились в форме веры в особых существ — демонов и духов, противостоящих челове- ку, зловредных и способных нанести ему существенный физический ущерб. Вера эта в сингальской среде превратилась в особый культ шаманского типа со своим пантеоном, жрецом/жрецами, местом и особыми приемами прове- дения обрядов и ритуалов.

Демоны и духи составляют «пантеон» демонического культа. Различа- ются они, по представлениям верующих, внешним видом, продолжительно- стью существования и отчасти ролью в жизни людей (подробнее см. об этом в наших работах: [Краснодембская 1982; 2003]).

В данном случае нас больше интересует первый разряд этих малопри- ятных персонажей.

Считается, что демоны огромны, страшны лицом, обязательно зубасты и клыкасты. Особое значение в обрядовой практике имеют индивидуализи- рованные яки, с именами, со своей «легендой», со специфическим, конкрети- зированным влиянием (определенном зле, которого от них можно ожидать). Чаще всего они имеют и более или менее четкую иконографическую харак- теристику. Число этих яков ограничено в пределах двух-трех десятков, хотя у себя в «подчинении» они могут использовать великое множество неинди- видуализированных демонов. Очень опасны и страшны Хири-яка, или Рири- яка (Кровавый демон), Махасона (Демон кладбищ), Калу-кумара (Черный царевич), Мохини-якини (Чарующая демоница) и другие. Эти индивидуали- зированные демоны имеют известную специализацию в своих вредоносных

действиях: они насылают различные болезни (в частности, поселившись в самом человеке), могут убить, одни больше вредят женщинам, другие — мужчинам. Мохини, например, охотится за мужчинами и съедает их, соблазнив сначала и подманив к себе своей красотой.

Многие из демонов к тому же способны изменять свой вид и воплощаться в различных образах.

Почти все демоны перманентно злоносящи, и все обладают значительной мощностью. От них можно, однако, защищаться, откупаться жертвоприношениями. Против них «помогают» заговоры, талисманы. При прямой опасности, когда встреча с ними представляется непосредственной, рекомендуется спасаться от демонов и духов в воде. Надо также соблюдать некоторую «технику безопасности»: например, не есть на ночь жареной пищи, потому как жареное привлекает демонов, а ночь — время их особой активности. И далее в таком роде.

Облик индивидуализированных демонов по-разному предстает в разных ритуальных текстах, различных фольклорных версиях, излагающих историю того или другого персонажа. Сопоставление материалов, относящихся к какому-нибудь определенному демону, нередко показывает, что в одном облике бывают слиты несколько образов, созданных народной фантазией на протяжении многих веков. Одним именем бывают объединены явления, возникающие в разных местах и в разное время.

Демоны некоторых болезней запечатлены в канонизированных чертах знаменитых ритуальных масок сингалов. Деревянные ритуальные и театральные маски (специфической моделировки, многоцветной сочной раскраски) — это яркие образцы древней народной художественно-ремесленной традиции сингалов. Ни один путешественник, побывавший на Ланке, не мог обойти вниманием подобное оригинальное явление, о нем многие писали, а со временем в европейских музеях стали собираться и коллекции таких масок. Танцы в экзотических масках на долгие годы стали для европейцев сопровождаться эпитетом *цейлонский*, как и знаменитый чай. Среди масок имеются такие, которые изображают духов отдельных болезней — слепоты, язвы, паралича и др., а также их «главнокомандующего» — демона восемнадцати болезней.

Служителем демонического культа является эдура, он же якадура или каттадия (каттандия). Эдура по-сингальски значит «учитель», «наставник», а также «знаток», «мастер». Слово «якадура» получилось от сложения слов «яка» и «эдура», что можно перевести как «мастер [в деле изгнания] демонов». «Каттандия», собственно, и означает «жрец», «заклинатель», «исполнитель демонических танцев». В каждой деревне обычно имеется хотя бы один эдура. Знания жреца данного культа рассматриваются как один из разделов народной медицины. Обряды демонического культа служат лечению различных болезней, прежде всего таких, которые связаны с нервно-психическим состоянием человека.

Демонический культ не имеет стационарного храма, просто выбирается определенное место, расчищается пространство и сооружается либо временный павильон, либо навес или особый помост. Жертвоприношение демо-

нам имеет собственное название, а виды обрядов и ритуалов можно отнести к двум типам, назовем их условно обрядами «малой» и «большой» магии. В первом случае демоны и духи заклинаются лишь с помощью магических предметов, веществ, жестов и слов. Таковы заговаривание и освящение места с помощью порошков куркумы и сандала, применение воды с этими порошками, чтение заклинаний и символические подношения, а также обряды заговаривания масла, помазание им, повязывание магической нити, изготовление талисмана и прочее. В таких обрядах заклинаемый дух остается невидимым, основное средство воздействия на него — это заклинания, заговоры, жертвоприношения условны и «скромны», в этих случаях не используются экстатические танцы. Совершаются такие обряды обычно в присутствии лишь заинтересованного лица (одного или с кем-нибудь из близких ему людей), и они весьма просты по исполнению.

Другая группа обрядов (из разряда «большой» магии) отличается тем, что в них самым важным моментом содержания являются элементы экстатической практики, участие жреца, сходного по функциям с шаманом. Он умеет приводить себя в особое психофизическое состояние транса или близкое к нему.

Обряды последнего рода также очень разнообразны. Иногда эдурой своими танцами оживляет духа в больном и затем сражается с ним (в прямом смысле). В других случаях он экстазом доводит себя до такого состояния, что «видит» (глядя на огонь или на тарелку и т.п.) духа, его положение, поведение и затем изгоняет из больного с помощью заклинаний и уговоров (иногда не чуждаясь и обмана). А в особых ситуациях разыгрывается большая театрализованная программа со многими участниками, иногда изображающими и самих яков.

В обрядах последнего типа участвует несколько жрецов, барабанщиков, иногда изображается «сходка» демонов в их излюбленный вечерний час, иногда один из жрецов прикидывается «покойником», чтобы отвлечь внимание демонов от самого больного (ради которого и совершается церемония), или же в соответствующих костюмах изображаются заклинаемые демоны. В то же время присутствие демона может быть обозначено и лишь каким-то символом, а то и просто «угадываться» жрецами. Одним из центральных моментов является подношение демону жертвы, состоящей из съестного, в частности риса и курицы.

Большие театрализованные церемонии против демонов и демониц, где эти персонажи сами (олицетворенные образами жрецов в соответствующих костюмах, масках или гриме) выступают как действующие лица, зрелищно очень интересны. Выскакивая на сцену с жуткими звуками, прыжками и движениями, они часто вызывают невольный испуг у зрителей, и, кажется, это тоже имеет положительный эффект в комплексе с другими средствами воздействия на психику участников обряда. Танцы особого ритма и характера движений, вдыхание особых смолистых воскурений — существеннейшие элементы подобных обрядов. Танцуют жрецы, вызывая на арену демонов, танцуют сами вызванные и предстающие во плоти жрецов-актеров «демоны».

«В ходу» в настоящее время десяток-другой общеизвестных демонов, которые к тому же могут еще иметь различные обличья. Махасона, например, имеет десять обличий, Кровавый яка — семь, а Черный царевич — три. Обличья демонов бывают человеческого, звериного и собственно «демонического» видов. Они меняются даже в разное время суток. Представления о демонах, иногда носящих одни и те же имена, могут значительно варьироваться в различных областях острова, в разных памятниках письменной и устной традиции.

Сильный и опасный яка Махасона, обитатель кладбища, нередко выступает героем страшных рассказов. Его основной облик — человеческая фигура с волчьей или медвежьей головой, ездит он на вепре, а сила его такова, что одной рукой он может поднять слона. Сговориться с ним нелегко, в жертву он требует живого петуха и рис, сваренный в черепе. Однако когда он не нападает на людей, гласят легенды, то занимается охотой и собирает мед, как какой-нибудь ведда (представитель существующей на Ланке малой этнической группы автохтонов). У людей он вызывает тяжелые болезни — холеру, дизентерию и другие. По поверью, у погубленных Махасоной людей на теле можно найти отпечаток его ладони.

С обрядами черной магии связан демон по имени Хуниян-яка (иначе — Суниян). Чаще всего он изображается верхом на белой лошади, весь обвитый кобрами (тот, кто пьет кровь змей и их яд, приобретает большую магическую силу), вооруженный саблей, двумя трезубцами и огненным ковшом. Хуниян-яка поражает людей различными внутренними болезнями, от которых происходят тошнота и судороги, женщин карает бесплодием, вредит беременным. В некотором роде этот демон является царем магии. Между прочим, он изображается белокожим. Как у всех демонов, у него торчат клыки изо рта, про него говорят, что он имеет восемь имен и десять обличий, и его всегда сопровождают двенадцать жен.

Любопытен Мадана-яка, причиняющий людям всяческие неприятности сексуально-эротического свойства. Его имя — эпитет бога любви Камы из индуистского пантеона, в то же время слово «мадана» как нарицательное (санскритского происхождения, но свойственное и сингалскому языку) означает «желание, страсть». Индуистское влияние в оформлении этого образа очевидно. Оно подтверждается и именами семи девиц — спутниц Маданы-яки: Кали, Махани, Рати-мадани, Мал-мадани, Матиками, Ратаками, Махакали, — в которых первое и последнее слова являются эпитетами Дурги, а другие так или иначе связаны с именами бога любви Камы и его супруги Рати.

Иногда как спутница Маданы-яки, а иногда как независимый персонаж выступает и девица Мохини (или Мохани, тоже от санскритского корня «мох» — «пленять, очаровывать», и она необычайно хороша собой). Она охотится за мужчинами, так как на ней лежит проклятие безбрачия. К Мохини обращаются в ритуалах черной магии при любовном колдовстве, привороте.

Еще имеется демон, который считается по происхождению сыном легендарного прародителя сингалов Виджайи и его первой, «незаконной», супруги девицы Кувени. Зовут его Калу-яка, то есть Черный яка, и он изображается

абсолютно черного цвета, со страшной физиономией, огромными круглыми ушами, четырьмя руками и с кобрами на поясе. А удел его таков, как объясняется в легенде, потому что он родился в самый несчастливый день недели, то есть в субботу, в плохой месяц и год, при новолунии. Этот яка опасен и для женщин, и для мужчин. Ему приписывают происхождение таких болезней, как туберкулез и паралич. Он вызывает дурные сны (снятся змеи), зуд по телу.

Специфическое место среди демонов занимает Аймана. Ему помимо прочего определена принадлежность к низкой касте, хотя изображают его с очень белым лицом, белой бородой и бакенбардами. На нем белые одежды, и он опирается на палку, раскрашенную белыми и красными полосками. История его гласит, что когда-то он родился человеком в момент казни своей матери и потому в следующем рождении приобрел могущество яки, чтобы мстить за нее.

Разнообразие обрядовых процессов и легенд, связанных с ритуалами демонического культа, очень велико. Некоторые легенды не только отличаются какими-то деталями, но иногда не совпадают в главных чертах, в существе. Иногда, напротив, разнородные легенды соединяются в одном ритуале.

Вступительным элементом ритуальной программы часто бывает изображение «вечерней сходки» демонов, которых представляют танцоры. Демоны здесь не персонифицированы, они нарицательно представляют разряд существ, к которым принадлежат. Демоны характерно одеты, на ногах имеют браслеты с бубенцами. Танцуют каждый индивидуально, по очереди и все разом. Танец состоит из сложных, иногда почти акробатических движений, имеет особый ритмический рисунок. Считается, что точность каждого движения, поворота рук, ног и тела способствует магическому эффекту. Танцы содержат множество скачков, прыжков, вихревые кружения — все это часто совершается в бешеном темпе. Видимо, это способствует приведению танцора в состояние транса: момент экстаза является центральным в «отношениях» жреца с демоном.

Некоторые разделы обрядового действия имеют сугубо театрализованный характер. Главные персонажи часто выступают с монологами, рассказывая свою историю. Демоны болезней обычно ведут себя так, будто они поражены той болезнью, которую воплощают: хромают, прикидываются глухими и т.д.

Среди всех этих разнообразных персонажей демонического культа сингалов имеется один, чьи характеристики заметно отличают его от «собратьев». Имя его Гара-яка. Мне довелось несколько раз наблюдать этого «героя» в различных ритуалах. И его особый характер поначалу стал мне ясен из выявления его специфических функций, хотя и несколько различающихся по форме, но одинаковых по сути. Он оказался таким существом (хотя и демонической природы), которого человек может использовать себе на пользу, то есть сделать своим защитником.

Первый раз дело было в конце декабря 1979 г., когда меня пригласили на обряд изгнания демона из больного. Он длился с вечера до утра. Применялось огромное множество разнообразных приемов, ритуалов, оберегов: словесных, предметных, знаковых (подробнее см.: [Краснодембская 1986: 180–196]).

Действо начиналось с наступлением темноты. И далее всю ночь призывались различные демоны, их угощали съестными подношениями, заклинали, уговаривали оставить больного. Все действия жрецов культа (их было несколько) в этом ритуале были как бы одновременно двунаправлены. С одной стороны, они проявляли массу усилий, чтобы вызвать демонов и духов, приблизить их мир к миру человеческому, создать «мост» между двумя этими мирами, соединить их. С другой стороны, они соблюдали массу предосторожностей и затрачивали огромные усилия на то, чтобы оградить мир человеческий, защитить от демонов всеми возможными магическими средствами и больного, и всех присутствующих, и самих шаманов. Первой цели служили танцы шаманов с резкими прыжками, быстрыми вращениями (уподобленными движениям и жестам самих демонов, какими их представляют сингалы), бой барабана, свистки, возгласы «хо!» или «ху!» (таковы специальные междометия-обращения, свойственные якобы и самим демонам), «ава!» (букв. «пришел!»), прямые призывы жрецов и соблазны съедобными жертвоприношениями. Второй цели соответствовали обращения к Будде и богам с просьбой о защите и покровительстве (или, точнее, об их непосредственном присутствии с целью охраны), благожелательные словесные формулы. А конечной целью манипуляций совершенно явно было обмануть демонов, заманить в ловушку, изгнать (хотя бы на время, так как в принципе они имеют привычку и возможность возвращаться в человеческий мир).

Совсем другими настроением был овеян утренний ритуал (уже с восходом солнца), который как раз и посвящался демону Гара-яке. Этот обряд имеет свое название — *гара-якума*. Представление начиналось уже на новом месте — на площадке у южной стороны фундамента строящегося дома (ночные же ритуалы совершались в старом доме и на основной площадке нового, под уже возведенной крышей), на самом фундаменте расположилась группа зрителей.

Прямо перед нами стояла конструкция, похожая на фрагмент приставной лестницы с тремя перекладинами, просветы ее были сплошь закрыты пальмовыми листьями, нижние из которых воткнуты черенками в землю. Под третьей (верхней) поперечной перекладной слева и справа было положено по одному кокосовому ореху (символика культов фаллического и плодородия). Боковые перекладки (одна из бамбука, другая из ствола какого-то дерева), оплетенные зеленью, со свисающей бахромой из полосок листа кокосовой пальмы поднимались высоко вверх и там соединялись. Барабанщик и два жреца стояли в ряд слева от конструкции и глядели на нее.

Главная роль, как потом оказалось, была отведена младшему из жрецов. Одевание его было особенным: поверх длинной белой юбки на нем была еще коротенькая красная юбочка с белыми поперечными полосками и черной каймой внизу. Она была двухслойной (один слой несколько длиннее другого) и в сборку, на талии закреплялась широким красным поясом. На этом эдуре была также белая, без сомнения женская (с выточками на груди), кофточка. Женский наряд дополнялся подобием женской прически: голова шамана до бровей была повязана синим платком, сзади спускались до колен распущенные «волосы». Имитация волос была сделана из тонких полосок молодого

пальмового листа. Из таких же полосок было сплетено нарядное головное украшение, напоминающее высокий узорчатый гребень, воткнутый в «прическу» на затылке. Так явно проявились элементы женственной природы в персонаже (я уже догадывалась, что это будет Гара-яка).

Пока собирались зрители, шаман еще возился со своим нарядом: что-то поправлял в нем, переговариваясь с «коллегами». Вскоре он начал танец с резкими движениями, вращениями: танец-призыв, средство приманить демона и подготовить себя для его «восприятия». В руках у шамана был небольшой черный сосуд для воды — *калагедия* — предмет тоже специфически женский (за водой у сингалов ходят женщины, и существует особый женский, даже скорее девичий, танец с такими кувшинами — *калагеди-селлам*). Эта часть действия была недолгой. Затем шаман скрылся за зеленой конструкцией. Громче зазвучал барабан, горячее полились призывы-заклинания, приглашающие демона.

Наконец призываемое существо появилось. Это был тот самый шаман в той же одежде, только теперь он явился в деревянной маске: зеленое лицо, красные вывороченные губы, оскаленные зубы, крючковатый нос, вытаращенные глаза, над лбом возвышались змеиные головы, сквозь огромные цветочные розетки-уши были продеты и свисали полоски пальмового листа. Вел себя этот герой опять же очень «по-женски», как это представляется сингалам: робел, стеснялся, застенчиво выглядывал из-за загородки. С ним (а точнее с ней, иначе было и не сказать) разговаривал барабанщик и постепенно выманил «ее» из-за укрытия. Сначала «она» танцевала (так же, как делал это шаман еще без маски), потом попыталась влезть сзади на конструкцию. Это у «нее» не сразу получилось, и барабанщик «ее» наставлял и помогал «ей». Когда «она» наконец уселась на верхней перекладине (сначала очень неловко, едва не сломав ее), спустила ноги и взялась руками за вертикальные стойки, стало понятно, что «она» сидит на «качелях». Качели же (тоже чисто женский символ) связаны у сингалов с новогодними женскими играми, в которых явно прослеживается эротический смысл.

Рядом с «качелями» поставили стул со съестными подношениями для Гара-яки. А между тем продолжались «любезности» и «капризы». «Ей» подали, например, браслет из скорлупы кокосового ореха, а «она» изображала неискушенность, неопытность, использовала его сначала как зеркало и только потом как браслет. Дали не до конца очищенный банан (прозрачный фаллический намек): «она» его теребила, затем сломала. Дали другой — «она» сделала вид, что хочет употребить его как бритву, после чего бросила в молодого шамана, который в ответ разразился хохотом. В диалоге чрезвычайно театрального свойства над «ней» подшучивали, «она» в ответ кокетничала, показывала, как говорят сингалы, 64 приема кокетства. Наконец, кажется, свыклась со своей женской ролью.

После «она» вновь танцевала и в завершение уличной «сцены» в знак благопожелания окропила водой присутствующих.

Далее действие было перенесено в дом (я наблюдала ритуал через окно, возле которого добрые хозяева дали мне первое место). Теперь в качестве демона шаман принимал подношения: посреди комнаты поставили стул

с обильными угощениями, и Гара-яка радостно вокруг него плясал, причем некоторые его позы могли бы смутить ревнителя пристойности. Далее он начал символически с большой выразительностью поглощать съестное. Причем в один из моментов слишком скромный человек отвел бы взгляд от этого зрелища: поза шамана не оставляла сомнения в том, что демон «ел», «принимал пищу» в двух смыслах. Надо сказать, в сингальской магической символике в определенном контексте принятие пищи приравнивается к половому акту: так, одним из элементов свадебного обряда является взаимное кормление жениха и невесты, символизирующее их новые отношения. В этой связи, в частности, считается неприличной совместная трапеза посторонних мужчины и женщины.

Под конец веерами из пальмовых листьев, которые были у него в руках, Гара-яка как бы смахнул, «подобрал до последней крошки» остатки угощения, проявив тем самым черту поведения, характерную для демонов, жадных до еды. В сингальском обычном, «человеческом», этикете подобное считается проявлением дурных манер; принято оставлять на тарелке немного недоеденной пищи (как и питья).

В следующем действии шаман снял маску и уже танцевал, произнося заклинания благопожелательного характера, а завершил обряд обходом всей усадьбы по периметру, окропляя водой из кувшина, с которым раньше танцевал, и землю, и всех, кто был на его пути. В заключение он обратился к Будде и богам.

Стало ясно: злые силы и их влияние отвращены, уничтожены, а грозное, но уже подобрешнее существо привлечено на сторону обитающей в доме семьи.

Таким образом, в глаза бросались два момента: неожиданные женственные черты персонажа (ведь и по имени, и в обычных представлениях людей Гара-яка — существо мужского пола), а также не вполне обычная для демона роль защитника, а не притеснителя представителей человеческого рода. Преимущественно «положительный» характер персонажа подтверждается, как мне кажется, и тем, что присутствие его маски (или статуэтки, которые тоже иногда делают) в доме допустимо, безопасно, тогда как никто, пожалуй, не поместит у себя маску Махасоны или Калукумары, смертельно опасных по своей сути.

Роль защитника проявилась у этого героя и в контексте других ритуалов, увиденных мною в связи с монастырскими обрядами во время праздника *эсала-перахьяра* в августе 1988 г. (подробнее см. об этом в: [Краснодембская 1993: 103–112]).

В месяц эсала, соответствующий июлю-августу европейского календаря, во многих монастырях и храмах проходят торжественные шествия со многими участниками. Глубинный смысл этого праздника связан с древней календарной символикой: в них проявляется заклинательная практика, связанная с дождем, плодородием, защитой от злых сил. Видимо, неслучайно он и приурочен к началу осеннего муссона.

Сначала образ Гара-яки явился нам в начальной части праздничной процессии вслед за факельщиками, барабанщиками, танцорами, изображениями

Будды и Колеса Закона (последние везли на спинах слонов: все названные персонажи и символы относятся к разряду благой символики). Это была огромная фигура в два человеческих роста и с двумя лицами: вперед глядела обычная, характерная (не спутать ни с каким другим демоном) маска Гара-яки, а назад — тоже маска, но изображающая женское (опять!) лицо, розовое, круглое, с очень добрым выражением. Было очевидно, что глядя вперед, персонаж как бы устрасал и таким образом «обезвреживал» пространство перед собой, а глядя назад — излучал добро и благодать. Таким образом, и здесь проявилась женственная сущность персонажа, но уже не в элементах наряда или манерах, а непосредственно в личине. Кстати сказать, костюм у этого Гара-яки был абсолютно невыразительным: некое подобие балахона, дабы просто прикрыть изображавших демона актеров (видимо, один стоял на плечах другого).

Затем Гара-яка уже в своем более обычном виде появился на последнем этапе праздника, после завершения многодневного цикла обрядов и ритуалов. В самом конце праздничной программы в монастыре была устроена Гара-якума, то есть убоготворение Гара-яки. Было неудивительно, что обряд демонического культа устроили непосредственно в пределах буддийского монастыря. В теории буддийское учение все-таки чурается магической практики.

Гара-яка появился возле храма Вишну в положенном ему костюме (как описано выше), но пока без маски и вошел туда. После танца в храме он вышел из дверей уже «законченным» Гара-якой, то есть в своей характерной и выразительной маске. Вход в храм Вишну находился почти напротив боковой стены и крыльца здания, где обитали монахи, там был и рабочий кабинет настоятеля. Монахи уже сидели под навесом крыльца. К ним и направился Гара-яка, а с ним барабанщики и зрители. Сначала «демон» молча танцевал довольно бурный танец, потом завел, как полагается, разговор с барабанщиками. Для демона было устроено и угощение. Когда он «закусил», то, держа по пучку веток манго в обеих руках, стал обходить всех присутствующих. Держа ветки за обвязанные красной тряпочкой черенки, он стал обмахивать ими каждого, начиная с главного монаха (позднее и толпу зрителей), по рукам и ногам сверху вниз, перед монахами иногда вставая на колено. Изредка он делал и «благословляющий» жест, то есть «снял», «удалял» все дурное, все зло, а также, как мне объяснили, усталость — ведь устройство перахяры отнимает много сил. Гара-яка же печется о здоровье.

В конце к крыльцу подвели слона без попоны, того, который во время ночного шествия нес на своей спине главную священную реликвию монастыря — ступу. Гара-яка и со слона «снял зло и усталость», обмахнув его по хоботу ветками манго в направлении сверху вниз.

Таким образом, снова подтвердились выявленный нами ранее основной магический статус Гара-яки, его функция защитника, опекуна, хранителя (здоровья, благополучия, обитателей дома или даже определенной территории). В ритуале в Полгасовите, как показано выше, Гара-яка выступал как добрый домовый, а в обрядах беланвилльской перахяры его основное качество (защитника, хранителя) было проявлено неоднократно и разнообразно.

Очень интересен аспект своеобразной «двуполости» Гара-яки, выражающейся в сочетании мужского имени с женскими атрибутами в costume и поведении. К тем проявлениям «женственности», которые уже названы, добавим нарративный материал. Надо сказать, что трактовку ритуала с участием Гара-яки нередко увязывают с сингальским мифом об инцесте, известном под названием «миф о Гири-деви». Главное содержание его сводится к следующему: у царя с царицей в одной из стран Индии родились дочь и сын (вариант — в другой последовательности — сын и дочь), которым от рождения было предначертано вступить в будущем в преступную половую связь. Как ни старались родители изолировать детей, предотвратить их встречу, предсказание все же сбылось. Сознвая позор и ужас случившегося, сестра покончила жизнь самоубийством, а брат превратился в кровожадного ненасытного демона. Изложение этого мифа, имеющего название «Гири-деви катхава», было опубликовано известным ланкийским антропологом Н.Д. Виджесекерой [Wijesekera 1943: 24].

Миф достаточно сложен и многозначен: здесь прослеживаются черты известных типических фольклорных сюжетов (космогонического, «царского» и т.п.), а также обычная схема «демонических легенд» сингалов. В данном случае эта легенда объясняет историю Гара-яки. Впрочем, в мифе он имеет иное имя — Дала-кумара. Любопытно, кстати, этимологизировать имена героев мифа: имя царевны — Гири-деви — можно перевести как «богиня/царица гор», имя ее брата — Дала-кумар — в современной народной этимологии трактуется как «клыкастый царевич», хотя его можно прочесть и как «царевич вод» (сингальский язык позволяет и такое истолкование).

Следует подчеркнуть, что нет прямой связи между мифом, который является как бы историческим толкованием возникновения персонажа Гара-яки, и непосредственным ритуально-магическим смыслом обрядов с участием данного демона. Н.Д. Виджесекера сообщает, в частности, что миф этот не имеет всеобщего распространения на острове. Само содержание легенды о Гара-яке, видимо, необязательно изображается театральными средствами в демонических обрядах. Однако этот миф, если его сопоставить с ритуалом, тоже своеобразно подчеркивает некое соединение женского и мужского начал, важное для сущности этого особенного демона. Перед нами травести, ранее не отмечавшееся в сингальском демоническом культе, но в целом типичное для шаманизма, насколько это известно на примере других народов.

Очевидно, что перед нами предстает многосложный образ, в котором соединяются понятия и представления различной исторической давности, возможно, разных идеологических систем. Впрочем, и в целом демонический культ сингалов связан с очень давними и глубокими местными верованиями. Однако за прошедшие века буддийской цивилизации и сильного влияния индуизма этот культ приобрел различные разнородные напластования.

Обратимся еще раз к облику Гара-яки (как оно отражено в соответствующей маске) в сопоставлении с другими демонами и иными персонажами сингальских преданий и изобразительной традиции. Вглядимся в это зеленое лицо со слегка крючковатым носом, невысокой «короной» из трех капюшонов кобр, в этот ослабленный зубастый рот (однако словно бы улы-

бающийся), в эти большие уши в виде розеток из стилизованных цветков лотоса, в два изогнутых клыка в уголках рта (рис. 1).

Рис. 1. Маска Гара-яки (из личной коллекции подарков из Шри Ланки Н.Г. Краснодембской). Фото автора

Из всех известных сингальских ритуальных масок (не считая Гаруды, о котором скажем чуть позже) у Гара-яки мы наблюдаем самый «птичий» профиль: совершенно отсутствующий подбородок и напоминающий клюв нос. А зеленый, «попугайный», цвет «лица» усиливает это сходство. Пожалуй, и глаза у него больше всего похожи на птичьи: очень круглые и выпуклые.

От демона в маске Гара-яки — прежде всего рот с вывороченными губами и оскаленными зубами, но в отличие от других демонических персонажей зубы у него ровные, можно сказать, красивой формы. Рот вообще «красиво оформлен» и несет улыбку, хотя из его уголков все-таки выступают мощные клыки (рис. 2). Эти клыки иногда изображаются прямо на самой маске, а иногда отдельно вставляются в соответствующие отверстия.

Демонический смысл придан и головному убору: он состоит из капюшонов нескольких кобр. В скульптурном изображении еще присутствует и объемистый животик (рис. 3). Так что мощь Гара-яки, его особенности как демона изображены достаточно выразительно. Однако проглядывает и определенная «доброта».

Абсолютное своеобразие маски Гара-яки заключается в его «ушах»: это нарядные розетки, стилизованно изображающие распустившиеся цветы лотоса.

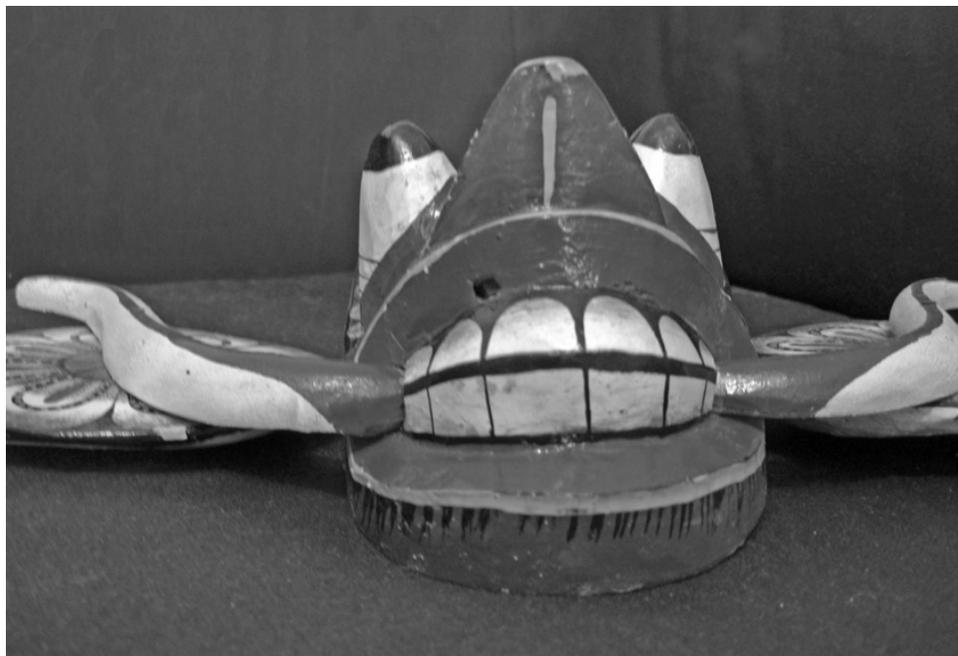

Рис. 2. Деталь маски Гара-яки (улыбающийся рот). Фото автора

Рис. 3. Кукла, изображающая Гара-яку. МАЭ. Колл. № 6377-72

тоса. Белая, желтая, красная и зеленая краски создают яркий, праздничный узор. Лотос же — один из самых благоприятных, «чистых» символов в южноазиатской традиции вообще, в том числе и у сингалов-буддистов. Он имеет много смыслов, но здесь, нам кажется, выступает в своем главном, первоначальном смысле — цветения природы, «процветания».

Заметим, что сочетание образа птицы (а иногда и животного) с цветущей ветвью является известным сюжетом в изобразительной традиции у народов Южной Азии, в частности в Южной Индии, столь близкой к Ланке. Подобный образ южноиндийского происхождения приведен, например, в книге А. Кумарасвами: тело птицы сочетается с головой льва (крохотной, соответственно размерам птицы), изо рта которой исходит вьющаяся ветвь [Соманасвами 1908: 83]. В собрании МАЭ образ птицы с цветущей ветвью в клюве представлен набором миниатюрной металлической скульптуры из Южной Индии (коллекция 2055, собиратель М.С. Андреев, поступление 1910 г.). Понятно, что это один из символов, магических знаков плодородия, жизненной силы. И это тоже допустимо приложить к образу Гара-яки.

Рис. 4. Узор «женщина-лиана» на аптекарской ступке из слоновой кости. Работа ланкийских мастеров. XVIII в. МАЭ. Колл. № 1910-1а

С цветущей ветвью сочетается иногда и женский образ. В сингальском традиционном наборе орнаментов этот вариант представлен узором *нарилата-вела*, что значит *женщина-лиана*. Образ прекрасной женщины до пояса, как цветок, появляется на конце пышно расцветшей вьющейся ветви [Сoomaraswamy 1908: 91–93, таблицы XXXIX и XLVIII]. Судя по всему, это в высшей степени благоприятный в магическом смысле символ, так как он присутствует на многих предметах, очень часто — на женских гребнях, подвесках-галисманах, на традиционной аптекарской посуде (ср. экспонат МАЭ, привезенный Петром Первым, рис. 4). Вспомним описанную выше «сцену на качелях» с участием Гара-яки в его явно женской ипостаси: когда все вокруг него и в его костюме «изготовлено» из растительных элементов.

Существует в сингальской орнаментальной традиции и вариант соединения птичьего элемента с человеческим образом: его именуют терминами *киннара/киннари* (соответственно мужского и женского рода) или *киндур* (последний более употребителен, будучи собственно сингальским). Причем имеются две ипостаси: либо человеческий торс соединяется с туловищем птицы, либо птичья голова (иногда и крылья) «придывается» к человеческой фигуре. «Предшественников» этих мифических существ можно обнаружить в таких памятниках общей южноазиатской культуры, как скульптурные изображения Бхархута (III в. до н.э.) и живопись Аджанты (V в. н.э.). В сингальском изобразительном искусстве популярен именно образ полуженщины-полуптицы, и он сохранился вплоть до наших дней. Причем женская сущность персонажа подчеркивается еще одним распространенным термином: *лия* — *киндур*, где *лия* означает «женщина».

Термины *киннара/киннари* появляются в текстах послеведийской эпохи. Разные источники по древней мифологии Южной Азии дают различную трактовку этих образов. Так, иногда их описывают как кентавров [Dowson 1973]. Но в буддийской традиции они предстают именно как полулюди-полуптицы. Вспоминая свои прежние рождения, бодхисаттва рассказывает историю о паре киннаров, которую и составляли он и его супруга. Сюжет этой джатаки изображен в настенной живописи знаменитого монастыря в Келании на Шри Ланке. Называется эта история «Чанда-кумара джатака» и повествует о драматических событиях, вызванных красотой супруги человека-птицы:

«Счастливая парочка этих существ жила в Гималаях, на Лунных горах и, не зная горестей, резвилась на природе. Он играл на флейте, она танцевала, они вместе пели [с тем, что у киннаров, какого бы облика они ни были, развиты музыкальные способности, согласны все источники. — Н.К.]. За этим занятием и застал их как-то царь Бенареса, явившийся в их края на охоту. Он влюбился в супругу киннары, пораженный ее красотой, и застрелил киннару, надеясь привлечь к себе небывалую прелестницу. Но киннари осталась верна супругу, отвергла ухаживания царя и неутешно горевала над телом киннары на высокой горной вершине, умоляя богов вернуть его к жизни. От ее слез и страданий раскалился трон царя богов Сакры, и киннару воскресили» [Сoomaraswamy 1908: 81–82].

Таким образом, в фигуре Гара-яки можно увидеть множественное наложение древних идей, из которых в целом все относится к мысли о магическом

благоприятствовании, процветании жизни. Характерно, что в сингальском варианте эти «доброносные» магические составляющие соединены с демонической «компонентой», так как научно признано, что ярко проявленный культ демонов существовал на острове Ланка с древнейших времен. Но демоническая принадлежность героя, а также его мужское имяне заслонили полностью и иных его качеств. Потому описание «женщина-птица в обрамлении цветущей ветви» кажется нам одним из возможных эпитетов этого в высшей степени оригинального персонажа.

Библиография

Краснодембская Н.Г. Традиционное мировоззрение сингалов (обряды и верования). М., 1982.

Краснодембская Н.Г. Будда, боги, люди и демоны. СПб., 2003.

Краснодембская Н.Г. Тойил в Полгасовите (о символике обряда демонического культа сингалов) // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986.

Краснодембская Н.Г. Праздничное шествие в монастыре Беланвилла и новая встреча с демоном Гара-якой // Этнографическое обозрение. 1993. № 2.

Coomaraswamy A. The Medaeval Sinhalese Art. L., 1908.

Dowson J. A Classical Dictionary of Hindu Mythology. Delhi, 1973.

Wijesekera N.D. The Myth of the Giridevi kathava in Ceylon // Man. 1943. No 13–14.